

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

К 70-летию Аделя Кутуя

...Входит татарин:
— Я
на татарском
Вам
прочитаю
«Левый марш».

Так писал В. В. Маяковский в стихотворении «Казань», вспоминая о встрече с Аделем Кутуем.

Когда думаешь о Кутуе, не случайно в памяти всплывает имя одного из основоположников советской поэзии, стихами которого его татарский собрат, по собственному признанию, «увлекался еще со школьной скамьи». Благоговейное отношение к певцу революции А. Кутуй сохранил на протяжении всей своей недолгой, но яркой жизни. Им проникнута и статья «Маяковский», написанная в то время, когда татарский поэт, сам отдавший дань футуризму, еще не полностью осознавал идейно-эстетические позиции ЛЕФа, и некролог на смерть Владимира Владимировича, где глубоко осмысливался вклад покойного в развитие советской поэзии. Отношение А. Кутуя к величайшему поэту советской эпохи сказывалось не только в декларациях, но и в самом его творчестве, на котором — печать традиций Маяковского.

Лишь однажды довелось мне встретиться с Аделем Кутуем. Это было в конце войны, когда Аделяша Нурмухаметович приехал в Казань. В Музее А. М. Горького, имя которого он также произносил с особым уважением, недолгой была беседа. Навсегда, однако, сохранился в памяти мужественный облик старшины-артиллериста с «капюши» — заметного роста, статного и подтянутого, с доброй улыбкой на лице. Мне, самому недавно вернувшемуся с фронта, показалось тогда, что в уютные залы музея вместе с ним ворвалось дыхание войны. Его слова о поэзии, как и сама поэзия в его устах, приобретали в наших глазах особый смысл и снова подтверждали старую истину: подлинная поэзия всегда на линии огня.

Эта встреча вспоминается каждый раз, когда я читаю Кутуя. Он представляется мне писателем-бойцом в произведениях не только военных лет; наступательным характером отличается все его творчество. Писатель видел в литературе «науку», которая «помогает строить новую жизнь, новых людей».

Эту науку А. Кутуй постигал, преодолевая левачские заблуждения в понимании проблемы традиций и новаторства. Он не был одинок в своих заблуждениях, но важно подчеркнуть, что у него эти заблуждения были связаны с искренним стремлением отразить характер переломной эпохи, взрывного времени, и не случайно первый сборник своих стихов, вышедший в 1924 году, поэт назвал «В беде дией».

Упорные поиски привели Аделя Кутуя к подлинному новаторству, к слиянию революционного содержания с адекватной формой. И в этом, очевидно, немалую роль сыграло творческое развитие передовых традиций татарской и русской литературы, взаимообогащение с такими видными представителями родной ему культуры, как Г. Ибрагимов, М. Гафури, Г. Камал, Х. Такташ, М. Джалиль.

Двадцать с лишним лет продолжалась литературная деятельность А. Кутуя, первые стихи которого увидели свет в 1923 году. За это время им созданы стихи, поэмы, пьесы, очерки, рассказы, две повести. Смерть в военном госпитале в победном мае 1945 года оборвала плодотворную деятельность писателя на сорок втором году его жизни. Но произведения Аделя Кутуя продолжают свою жизнь: они выходят новыми изданиями, завоевывая все более широкий круг читателей.

На родном писателю языке его «Неотосланные письма» издавались 13 раз, а на русском лишь в Татарии выдержали 12 изданий. Эту повесть читают на

своих родных языках узбеки и башкиры, казахи и марийцы, чуваш и киргизы... Она звучит на английском, арабском, чешском, вьетнамском, корейском, монгольском... «География» изданий сама говорит за себя.

Впечатляющая сила произведений А. Кутуя обусловлена его умением глубоко, мыслями и сердцем постигать «социальный заказ» и, откликаясь на него, создавать произведения, в которых отражается в ярких образах диалектика самой жизни, а через национальное выступает и общенародное. Он видит за фактом явления, за явлением — сущность. Поэтому не случайно, характеризуя общественную роль литературы, писатель употребляет применительно к ней слово «наука». Но менее всего писателю свойственна сухая рассудочность. Аналитический подход к жизненным явлениям сочетается у него с глубокой эмоциональностью, притом романтически окрашенной.

Романтизм Аделя Кутуя пронизан гражданским пафосом. Чувство гражданственности определяет его творчество.

Один из своих очерков военных лет А. Кутуй назвал «Мы — сталинградцы». Город, ставший неприступной крепостью на Волге, он называет «чудо-богатырем» и рассматривает его название как синоним «гордости и мужества». В очерке — речь о несгибаемых героях, советских людях различных национальностей. В их рядах был и автор. Он с гордостью писал: «И если нас спросят о наших ратных делах, «Мы — сталинградцы» — будет наш гордый ответ». Пламенный патриот, интернационалист, человек высокого долга, цельная и чуткая натура — таким он был в жизни, таким предстает и в своем творчестве.

Утверждая высокое назначение художника, А. Кутуй в резком противопоставлении изображает, с одной стороны, тех, кто воплощает его идейно-эстетический идеал, а с другой — их антиподов. С нескрываемым чувством осуждения представляет он на всеобщее осуждение таких, например, как Мухамед из комедии «Свояченица», который со сцены проповедует новое, а сам живет по старой морали, или Искандер в «Неотосланных письмах» с его старозаветными взглядами на женщину, жену. Им противопоставлены натуры цельные, возвышенные. Такова, скажем, Хаят («Вдохновение»), у которой подлинное служение искусству сочетается с высоким нравственным обликом. Для воспевания истинных героев автор ищет «силу богатырскую», и он находит ее, черпая вдохновение в самой жизни на родной земле.

Обращаясь к Родине в стихотворении в прозе, написанном за пределами нашей страны, поэт выражает горячие патристические чувства. «Любовь к тебе окрыляет меня, возвышает меня...» — пишет он («Тоску»). Гордостно преисполнен поэт от сознания того, что он — «хозяин всей страны своей», и потому его «богатств никто не сосчитает» («Они не знают»).

Выражение патристических чувств у поэта связано с осознанием тех разительных перемен, которые произошли в жизни народа за годы Советской власти. Это ощущается во многих произведениях, и это придает им гражданский пафос. Путь от бедности и униженности к полнокровной творческой жизни, пройденный татарским народом в дружной семье братских народов, получает конкретно-образное раскрытие в целой галерее персонажей, мастерски нарисованных А. Кутуем. Особую роль среди них играют образы женские. И это закономерно.

Время тройного гнета, сковавшего татарскую женщину, вызывало, как известно, у многих передовых писателей прошлого слова искреннего сострадания и гнева. Вместе с

тем художники не только сокрушались по поводу женской неволи. «...Достойны человеческих прав!» — восклицал Габдулла Тукай в стихотворении «Татарским девушкам». Советские писатели Татарстана увидели в изменившейся судьбе женщины проявление общих закономерностей новой жизни. И если образы Дашы, Марьи-большевички, Любови Яровой, созданные Ф. Гладковым, А. Неверовым, К. Треневым, были новаторскими с точки зрения воплощения черт пробудившейся к активной общественной деятельности русской женщины, то Рауза Ш. Усманова, Мамина Ш. Камала изображали новый облик татарки. Писатели разных народов нашей страны стремились отобразить облик советской женщины с учетом специфики национального характера в его эволюции.

Эта проблема особенно волновала А. Кутуя, и к ней обращается он в ряде произведений. Именно в развитии дан образ Сарвар («Сарвар-буря»), мужественной крестьянской девушки, которая порывает с патриархальными условиями жизни, религиозными предрассудками и уходит сражаться за новую жизнь в чапаевскую дивизию. Подобные герои наделяются высокой нравственностью, проявляющейся во всех сферах их жизни. Такова, скажем, работница Рабига в «Свояченице». Они противопоставлены таким женщинам, как Гульшат из той же «Свояченицы» или Галия из «Сизой голубки», понимающим свободу как право порхать по жизни...

Галия в «Неотосланных письмах», заняв достойное место в ряду лучших женских образов в многонациональной советской литературе, особо привлекает наше внимание. Она предстает во всем обаянии духовно богатой личности. Этого достигает писатель с помощью глубокой социально-психологической характеристики героини, преодолевая суровые испытания и раскрывающейся как бы изнутри в произведении эпистолярного жанра.

В пределах одной и в общему недолгой жизни, о которой ведется повествование, укладываются две эпохи, и мы видим не только те разительные социальные перемены, которые характеризуют путь «из нищеты, со дна... на гребень жизни». Писатель тонко показывает изменение психологии дочери бедняка из глухой татарской деревушки, ставшей врачом, человеком с широким кругозором и тонким вкусом. Но и в новой жизни ее ожидают ис-

пытания, в которых раскрывается цельность натуры, не способной к компромиссам.

В «Неотосланных письмах» в особой мере проявилось умение писателя впечатляющим словом отображать явления новой жизни в борьбе с пережитками прошлого, преломлять в судьбах литературных персонажей характерности действительности в ее устремленности в будущее.

Все творчество Аделя Кутуя выражает его страстную мечту о победе новых начал во всех сферах человеческой жизни. Особенно заострена эта проблема в ее социально-политическом плане в произведениях военных лет, где зверинной сущности фашизма противопоставлена высокая, истинно гуманистическая мораль советских людей, поднявшихся на священную борьбу за свое будущее, за будущее всего человечества. Проблема борьбы нового со старым в ином аспекте выступает в произведениях морально-этического плана, пафос которых направлен против различных пережитков прошлого в нашей жизни.

Обнажая борьбу нового со старым, отжившим и отживающим, А. Кутуй заостряет конфликтные ситуации: заострение выступает у него и в психологических характеристиках. Отсюда и приверженность к контрастности в художественно-выразительных средствах. Гордая заинтересованность автора в предмете его суждений обуславливает и влечение публицистичности в художественную ткань произведений.

Особая радость звучит в словах героев, идущих к светлой жизни и утверждающих ее. Перифразируя слова героини «Неотосланных писем», можно сказать, что и сам автор слышал, как «будущее уже стучится в дверь» его дома, и он слышал «его удары», его «приближающиеся шаги». Он радовался этому будущему, шел «ему навстречу». Но смерть во фронтовом госпитале, за рубежом нашей страны, когда Советская Армия продолжала свой освободительный поход, оборвала эту жизнь, восторженную и бо- ли, и надежды, и радости современников.

...Когда я вспоминаю мужественный облик старшины-артиллериста, в моем сознании он неразрывен с представлением о генерале татарской литературы, павшем на боевом посту во имя счастья всех советских людей.

Л. ЮДКЕВИЧ.

Доцент Казанского университета.

Рисунок художника М. Рахимова.

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЖИЗНЬ

Адель Кутуй... Выше среднего роста, стройный, с черной кудрявой шевелюрой, черноглазый — таким он встает в моей памяти. Это был человек большого обаяния, изумительной энергии. Мне всегда была особенно дорога его влюбленность в искусство, проявляющаяся и в его литературных произведениях, и в его публицистике. Он и Хаджи Такташ стали организаторами и участниками литературно-музыкальных вечеров для молодежи, для студенчества.

Кутуй — замечательный рецензент концертов, новых спектаклей. Например, приехал в Казань крупный мастер советского искусства, а на другой день газета «Кызыл Татарстан» уже публикует рецензию Кутуя о его выступлении. Состоялась премьера в театре, и через день — два читатели газеты знакомятся с суждением А. Кутуя о новом спектакле. Пишет он образно, метко, верно. В его рецензиях — и требовательность, и большое уважение к артисту. Помню, с какой благодарностью я читала его рецензию на спектакль «Таня», где я играла главную роль. Кутуй дал мне ключ для еще более полного раскрытия образа Тани.

Успех артиста, певца, композитора радовал Кутуя бесконечно. Он стремился сделать этот успех общим достоянием.

Вот он приводит в Союз писателей тогда еще молодого композитора А. Ключарева, рассказывает друзьям по перу о его творчестве, взволнованно пишет о первых операх Н. Жиганова, о первых солистах татарской оперы, неутомимо собирает материалы по истории татарского театра. И во всем этом он выступает как знаток, рассуждает профессио-

нально, принципиально, видя перспективу роста. Он очень метко умел подмечать непотворимые черты, особенности артиста, драматурга, композитора.

Образ Кутуя — советского писателя, драматурга, пламенного публициста, искреннего друга артистов, композиторов, всегда увлеченного какой-то новой темой, новой творческой

задачей, человека, готового в любую минуту помочь другу, — забываем. Я и сейчас вижу перед собой живого Аделя. Его глаза улыбаются. В этой улыбке — влюбленность в искусство, влюбленность в жизнь.

Ф. ИЛЬСКАЯ.

Народная артистка РСФСР и ТАССР.

На снимке: 1926 год. Артисты Камал II, Камал III, Ф. Ильская, справа — А. Кутуй.